

Вниз, к тусклому морю

Темза- мерзкий зверь: она извивается через весь Лондон словно червяк или морская змея. Впадающие в ее коричневые воды реки - Флит, Тиборн и Некинджер, несут с собой всю грязь и мерзость: отходы, тела кошек и собак, кости овец; и дальше тащат их на восток к устью, оттуда в Северное море, а затем в забвение.

В Лондоне идет дождь. Дождь смывает грязь в сточные канавы, насыщая их бурлящие потоки до размеров рек, а реки превращая в нечто более мощное. Дождь создает много шума, он плещет, барабанит и грохочет по крышам. Стоит чистой капле воды, только упавшей с неба, коснуться Лондона, как она тут же становится грязью, смешиваясь с пылью и превращаясь в слякоть.

Никто не пьет ни дождевую воду, ни речную. Шутят даже, что вода из Темзы моментально может убить вас, но это, конечно, неправда. Уличные мальчишки ныряют на самое дно реки за брошенными монетами и выплывают обратно, сплевывая воду, дрожа и сжимая мелочь в своих руках. Они не умирают, и ничего подобного с ними не происходит, но вы вряд ли встретите среди них ребят старше пятнадцати лет.

Женщина, будто, совсем не замечает дождь. Она проходит вдоль доков Роттерхита, как ходит в течение многих лет или десятилетий: никто не знает наверняка, никого это не волнует. Она идет мимо доков, или останавливается и, задумавшись, смотрит в море. Она рассматривает суда и как они покачиваются, стоя на якорях. Ей необходимо чем-то занять себя, чтобы сохранить равновесие души и тела, но никто в доках не имеет ни малейшего представления о том, что же с ней произошло.

Вы прячетесь от ливня под брезентовым навесом, натянутым каким-то парусным мастером. Сначала вам кажется, что вы здесь одни, потому что женщина тихо и неподвижно, словно статуя, всматривается вдаль, хотя и невозможно что-то различить сквозь занавес дождя. Противоположный берег Темзы словно исчез.

Но потом она замечает вас. Она замечает вас и начинает говорить, но обращается она не к вам, о нет, она обращается к серой воде, что льется с серого неба в серую реку. Она говорит: «Мой сын мечтал стать моряком». Вы в замешательстве не знаете, что ей ответить и как. Вам хочется кричать,

чтобы она слышала вас сквозь шум дождя, но она говорит, а вы продолжайте слушать. Внезапно вы замечаете, что вслушиваетесь в ее речь, вытянув шею, стараетесь не пропустить ни единого ее слова:

-Мой сын мечтал стать моряком. Я говорила ему не ходить в море. Говорила, что я твоя мать, что море не будет любить тебя так как я, что оно жестоко. Но он отвечал: «Ах, мама, мне так необходимо увидеть мир, увидеть, как солнце встает в тропиках, и как северное сияние танцует в арктическом небе. Но больше всего мне необходимо разбогатеть, и тогда, когда это случится, я вернусь к тебе, построю огромный дом, в котором у нас будут слуги, а мы будем танцевать с тобой, ах мама, как мы будем танцевать».

-И что же я буду делать в таком большом доме - сказала я ему.- Ты - дурачок, хотя очень красиво рассказываешь всякие глупости. Я рассказала ему о его отце, который так и не вернулся из моря – кто-то говорил, что он погиб, оказавшись за бортом, а кто-то клялся, что видел его в публичном доме в Амстердаме, где он стал управляющим. Но, не все ли равно. Так, или иначе, море забрало его. Когда моему сыну было 12, мой мальчик убежал из дома в доки, и на первом найденном судне, как рассказали мне потом, отправился во Флорес на Азорских островах.

Есть корабли, которых преследуют несчастья. Дурные корабли. После каждого бедствия их заново перекрашивают и дают новое имя, чтобы одурачить доверчивых.

Моряки суеверны. Слухи распространяются среди них очень быстро. Капитан посадил это судно на мель по приказу владельцев, чтобы обмануть страховщиков. Затем его отремонтировали, и корабль стал совсем как новенький, но, тут же, его захватили пираты. Потом на нем перевозили груз одеял, и на борту вспыхнула чума, выжили только трое членов экипажа, они и довели этот корабль до Харвича....

Именно на него и попал мой сын. Уже на обратном пути домой, когда он вез заработанные деньги, которые, в силу своей молодости не растратил на женщин и грог, как его отец, на их корабль обрушился шторм.

В спасательной шлюпке мой мальчик оказался самым младшим.

Они сказали, что по-честному тянули жребий, но я никогда в это не поверю. Он был младше всех. После восьми дней в открытом море они были слишком голодны, и, даже если они и тянули жребий, то, скорее всего, просто обманули его. Обглодав его кости дочиста, они отдали их новой матери -

морской бездне. Она приняла их, не проронив ни слезинки, молча. Она жестока.

Ночами я, иногда, жалею, что он рассказал мне правду, он мог бы и солгать.

Они отдали кости моего мальчика морю. Но помощник капитана, который знал моего мужа и знал меня (на самом деле он знал меня даже больше, чем мог представить мой муж), сохранил одну косточку на память.

По началу, когда они вернулись, все клялись, что мой сын погиб во время шторма, потопившего корабль. Но помощник капитана пришел ко мне ночью и рассказал правду, и отдал мне косточку во имя любви, что была между нами когда-то.

Я сказала: «Что же ты сделал, Джек! Ведь это был твой сын, тот, кого ты съел!»

Той же ночью море забрало и его. Он шел дальше и дальше по дну, а карманы его были набиты камнями. Плавать он никогда не умел.

Я повесила косточку на цепочку, чтобы вспоминать о них обоих, когда поздней ночью ветер обрушивает волны на берег и завывает среди домов, словно плачущий младенец.

Дождь начинает понемногу затихать, и вы думаете, что она уже закончила свой рассказ, но, только сейчас, впервые смотрит вам прямо в глаза, и как будто хочет продолжить. Она достает что-то висящее на шее, и протягивает вам:

-Вот - говорит она, а ее глаза, встретившись с вашими, кажутся такими же темными как воды Темзы,- Хотите прикоснуться?

А вам хочется сорвать это с ее шеи и вышвырнуть в реку, пусть мальчишки-ныряльщики отыщут это, **или же пусть это сгинет там навеки.** Но, вместо этого, вы, запинаясь, выходите из-под навеса, а дождевая вода течет по вашему лицу, словно чужие слезы.

Старушки, летавшие на Луну

Кэти Бэйси, 9 лет

Не так давно, в одном городке, далеко - далеко отсюда (а на самом деле в Гримсби) жили - были две старушки. Позвольте мне представить вам Гертруду. Все называли ее «Грязнюля Герти», потому что каждую субботу она совершала пробежку в парке и всегда особенно тщательно пробегала через грязные лужи. У Герти была подружка по имени Бесси. Бесси всегда умудрялась проливать свои шоколадные коктейли прямо на блузку, и поэтому все звали ее «Неряшка Бесси».

Герти и Бесси жили в доме престарелых в Гримсби и очень скучали. Они жаждали приключений и экзотических мест. Да, я знаю о чем вы только что подумали....Блэкпул..но, увы. Они уже побывали там, и весь день в их приезд шел дождь. Необходимо было что-то совершенно новое и захватывающее.

Однажды шла программа BBC про космос и вел ее симпатичный профессор Брайан Кокс. Бесси была от него без ума, а Герти больше нравился Джордж Клуни. Профессор Кокс рассказывал про международную космическую станцию и путешествия на луну. Старушки посмотрели друг на друга широченными глазами... они знали куда **стоит** отправиться.

-Не поехать ли нам на Луну? - произнесли они.

-Как мы доберемся туда? – спросила Бесси.

-На ракете, конечно же! – ответила Герти.

Так они построили ракету. Они прошлись по всем хозяйственным магазинам и приобрели все необходимое. Всю ночь они забивали, сшивали, клеили, ковали и красили. Ракета вышла изумительная: 20 футов высотой, ярко розовая, в действие ее приводила пиротехника (ракетная, конечно же, а не просто салюты или бенгальские огни). Бесси хотелось назвать ее «Брайан», а Герти предпочитала «Джордж». В конце концов, они сговорились на «Кексик к чаю», ведь они обе любили пить чай с кексами.

Наступил день вылета и старушки собрали все необходимые запасы. У них был подробный список: яффские **пироги**, чай, очки, фонарики и мятные конфетки. Они были в **полной** готовности. Во время старта старушки перепугались. Грохот был такой, что разбудил мистера Джонса, который дремал в доме престарелых.

Наконец, они оказались в космосе и понеслись навстречу луне. Как же чудесно...они пролетали мимо Международной Космической Станции. А на борту этой станции майор Тим Пик как раз смотрел в окно, пока чистил зубы. Он увидел яркую розовую ракету, мчащуюся мимо с двумя пожилыми леди на борту, которые махали ему руками. Тим удивленно поморгал несколько раз и решил, что не будет рассказывать об увиденном остальной части команды. А старушки летели дальше, вокруг темной стороны Луны, пока снова не оказались лицом к Земле, тогда они опять запустили двигатель, чтобы добраться домой.

Тим макал бисквит в чай, когда дамы вновь пронеслись мимо станции, счастливо махая ему.

Возвращение в атмосферу Земли было еще страшнее, яффские пироги растаяли, но шерстяные парашюты сработали отлично. Старушки приземлились в Гримсби, уставшие, но счастливые.

- Это было действительно захватывающе - чем мы займемся в следующий раз? – спросила Герти.

- А давай встретим Тима Пика, когда он приземлится на своем парашюте – он будет в восторге, увидев нас снова.